

вновь рождена"]; *returning to life or becoming alive* ["вернувшись к жизни или став живой"]; *awakening from a dream or coalescing into the form of a fantasy generated in her wooden skull by the mere repetition so many times of the same invariable actions* ["проснувшись после сна или вообразив"], центром которых является Lady Purple. В мире марионеток она – кукла, т.е. объект, в другом текстовом мире она – субъект, преступница, развратная, падшая женщина.

Взаимодействие текстовых миров, приводящее к возникновению ТА, может происходить и через пространственно-временной фокус. Представляется возможным в дальнейших исследованиях определить основные его характеристики в постмодернистской англоязычной художественной прозе малой формы.

Литература

1. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 254 с.
2. Новикова М.А., Шама И.Н. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале "Вечеров на хуторе близ Диканьки" Н.В. Гоголя и их английских переводов). – Запорожье: СП "Верже", 1996. – 174 с.
3. Pavel T.G. Fictional Worlds. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1986. – 169 p.
4. Ronen R. Possible Worlds in Literary Theory. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. – 244 p.
5. Ryan M.-L. Possible Worlds, Artificial Intelligence and Narrative Theory. – N.Y.: Bloomington & Indianapolis Press, 1991. – 285 p.

Источники иллюстративного материала

F= Fireworks by Angela Carter. – L.: Virago Modern Classics, 1996. – 122 p

Миронов А.В.

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ОДИНОЧЕСТВО (ФИЛОСОФИЯ РАЗРЫВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. НИЦШЕ)

Современные исследователи творчества Ф. Ницше склонны трактовать особенности его философской позиции, исходя из личных обстоятельств, - ранняя смерть отца, отсутствие постоянного места жительства, бессемейность, сложность в отношениях с родными и друзьями. Подобный подход пришел из психоаналитической философии, столь популярной на Западе. Категория одиночества, несущая смысловую нагрузку в его произведениях, может трактоваться в двух ипостасях: как способ существования – собственный выбор немецкого мыслителя и как оптимальный вариант духовного развития, что относится к декларируемой мировоззренческой системе, которая обуславливает задачи, поставленные перед философским предназначением. Психоаналитический подход помогает разобраться в причинах душевной болезни, ее протекании, симптомах, но исключать или недооценивать идейную составляющую ошибочно. Одиночество выступает как художественный метод, цель, состояние, объяснение в том учении, которое Ницше считал единственным и самым радикальным средством спасения мира. «Нас двое – я и одиночество», - записал в восемнадцать лет Ницше-студент. Тот же самый мотив встречаем в письмах Ницше-мыслителя в последние годы творчества. Это ощущение не оставляет его на протяжении десятков лет, когда создавались его самые знаменитые произведения, принесшие славу автору и ставшие предметом спора до нашего времени. Анализ его философии через лейтмотив жизненных ощущений позволяет более ясно очертить западноевропейскую традицию понимания данной темы, использование новых методов в иррационалистической философии, приблизиться к современному толкованию социального одиночества как феномена культуры и цивилизации XX века.

Автор статьи попытался сделать акцент на идее самоутверждения личности, возможностей ее коммуникации, встроенности в общественные институты. Ответ на эти вопросы дает представление о трансформации европейского сознания на рубеже XIX-XX веков и использовании их при строительстве современной модели человека.

Человечество боится одиночества. Это признак упадка, по Ницше – наличие страха лишиться опоры в других и остаться наедине со своим внутренним миром. Личность утратила силу и энергию, способность занимать себя, потеряла интерес к себе и, как следствие, заполняется никчемностью, скукой, искусственно культивируемыми сущностями. Социальная сфера становится источником принципов не в силу их значимости для индивида, а как заменитель подлинной жизни. Люди цепляются друг за друга, объединяются в союзы и партии, сообщества, желая вытеснить одиночество из сознания. Принципы, которые должен опровергать человек, шире его духовных возможностей. Иллюзия коллективизма подобна барьеру, отделяющему от изоляции и помогающему преодолеть кошмар бессмысленности. Свокорыстные стремления заставляют искать пути воссоединения с другими. «Приспособляемость – страшная сила, мы сразу много теряем, лишившись инстинктивного предубеждения против пошлости и низости обыденной жизни» (2, с. 28). Вся дальнейшая философия строится на этом аксиоматическом положении. Социальные институты в этих условиях разделяют тяжесть вины за создавшуюся ситуацию, их механизмы превратили человека в «стадообразное» существо. Следовательно, одиночество можно интерпретировать как проявление инстинкта самосохранения. Отстранение от большого свидетельствует о наличии жизненных сил, не желающих подпасть под власть смертоносного влияния. Отстраняясь, индивид получает шанс найти свой путь, наполненный

надеждой на лучшее будущее. Апробирование других форм существования, иных ценностей можно уподобить экспериментам с лекарствами, способными спасти далеко не каждого. Внутреннее требование поиска есть показатель достойных, не примирившихся с предлагаемыми формами социального контакта.

Мораль и религию Ницше объявляет своими личными врагами. По его мнению, именно эти две системы лишили человека свободы, не позволили ему стать самим собой, навязали стыд, чувство долга перед другими, тем самым, превратили в безвольное животное, ищущее «пастуха» и надсмотрщика. Общие религиозные принципы дают ощущение единства, возможность почувствовать себя частью огромного сообщества. Социальность предполагает «игру» по этим правилам и обещает признание и успех тем, кто им следует. Сострадание, милосердие, взаимопомощь, забота, с точки зрения Ницше, унижают его достоинство, отравляют веру в себя. Стадный инстинкт, объединившись с моралью, закрепостил индивида, внушил ему необходимость подчинения, соответствия общепринятому. Одиночество как предъявление, вызов, несогласие предполагает особый вариант отношения с миром. Оно перестраивает человеческую сущность, выделяя иные приоритеты и главным становится «я», личный взгляд – единственный критерий оценки и восприятия. «Живи скрытно, чтобы тебе удалось жить по себе. Живи в неведении того, что кажется твоему времени наиболее важным. Проложи между собою и сегодняшним днем, по крайней мере, шкуру трех столетий. И крики сегодняшнего дня, войны и революций да будут тебе журчанием» (3, с. 698). Индивидуализм, доведенный до крайности, нейтрализует мораль, лишает ее действительности. Ориентация только на самого себя изолирует от общественно значимого, разрушает конвенцию с другими. «Странный», «непохожий», «не такой, как все» - звучит как вердикт отлучения и социальный приговор.

Признание неравенства фактором человеческой истории не позволяет искать общее к объединению. Наоборот, потребность самоидентификации открывает выбор, где тяжесть принятого решения возлагается на самого человека. Когда существует «мораль рабов» и «мораль господ» общности всех нет и быть не может. Ницше считает это самой большой иллюзией, которая существует в современном обществе. Аристократизм – не сословный принцип, а состояние духа. Аристократ способен жить вне окружающих, не замечать их, не проникаться радостями, которые их волнуют. Его самодостаточность переходит в одиночество, обособление от других. Сильный и властный, он не пытается добиться любви, дружбы, уважения. Отказываясь от признания, он демонстрирует свою независимость – качество столь редко встречаемое, что оно не может остаться без внимания группы, к которой он принадлежит. Несовпадение мотивов, поступков, высказываний озадачивает, а в последующем озлобляет большинство. В этом видится пренебрежение, презрение, демонстрация собственного «я». Общество не в состоянии подобного простить. Принцип унификации, шаблоны, ставшие общепринятыми, скрепляют общество, не позволяют ему распасться. Равенство считается одним из самых больших достижений цивилизации, а демократия – оптимальной формой государственного правления. Сознание европейцев не удовлетворяется чувством одинаковости, и они не воспринимают это как серьезную политическую победу. С точки зрения Ницше, каждый предполагает себя центром мира и утверждает себя перед другими, но важным моментом является наличие сил и способности перенести отчуждение. Социальная мимикрия умалает достоинство личности, не позволяет заявить о себе во всей полноте. «Я хожу среди этих людей и дивлюсь: они не прощают мне, что я не завидую добродетелям. Они огрызаются на меня, ибо я говорю им: маленьким людям нужны маленькие добродетели, - ибо трудно мне согласиться, чтобы маленькие люди были нужны» (4, с. 120).

Отрицая мораль, как структурообразующую форму коммуникации, Ницше освобождает человека от любых долженствований по отношению к обществу, государству, церкви и другому индивиду. Собственное «я» - определитель правого и неправого. Одиночество не тождественно эгоизму. Это особое состояние «по ту сторону добра и зла». Замыкаясь на себя, человек выдвигает уникальные приоритеты, относящиеся только к самому себе. Осуждение, использование стыда как способа воздействия перестают быть действенными. «Свободный ум оказался вне зоны доступа социальных связей, они утратили для него свою значимость, как базисные положения взаимосуществования. У него появляются возможности к самотворчеству. Ницше оговаривает: конструирование собственного «я» возможно в условиях тотальной свободы. В себе есть все необходимое. Одиночество помогает стать адекватным сущности, соединить внешнее и внутреннее. Но эта вариация жизни трудна, извилиста и опасна. Каждый несет свой груз, не перекладывая на другого, отказывается от лжи и лицемерия, так как проделывать данную процедуру относительно себя бессмысленно. «Ты будешь сам для себя и еретиком, и колдуном, и прорицателем, и глупцом, и скептиком, и нечестивцем, и злодеем» (4, с. 46). Остается решить, понять, что важнее: или социальный успех, или абсолютная самореализация.

Исключительность ассоциируется с властью. Претендующий на превосходство не желает терпеть опеки, давления, выполнять чужие приказы. Отстаивание собственной свободы – неотъемлемое право. Дилемма проста: или ты управляешь, или тобой. В этом контексте любой из окружающих представляет угрозу, следовательно, его нужно избегать. Традиция Т. Гоббса о «борьбе всех против всех» к определению наиболее благоприятных условий объединения, но с утратой своеволия. У Ницше одиночество – форма, отрицающая других, их мнение, их право посягательства на личностное волеизъявление. Духовно сильный может использовать свои качества для подчинения соглашающихся. Одиночество тождественно сопротивлению, препятствию вторжения чуждого. Социальность теряет орудия влияния, привычные способы, обращенные к житейскому, недействительны. Остаются изоляция и насилие. Непризнанность укрепляет в стремлении отдалиться от общества. Разрыв обусловлен отсутствием точек соприкосновения. Избранничество не допускает снисхождения ни к себе, ни к другим. Отличие целей, потребностей разделяет людей. Ницше ви-

дит в этом естественный отбор. Не прибегая к смирению, индивид не способен восстановить социальную коммуникацию. Исключительность не позволяет ему адаптироваться к всеобщему.

«В книге «Так говорил Заратустра» он пытается дать развернутое представление о человеке наедине с собой, поначалу выбирающим одиночество, затем устающим от него, ищущим спутников, чтобы покончить с этим одиночеством, выясняющим, что даже в окружении последователей он по-прежнему одинок, принимающим уединение во всей его полноте, уходящим в него и, наконец, воздающим ему хвалу и славу» (5, с. 235). Преодоление себя, возвращение к себе – самый сложный процесс, в котором пребывает человек. Рассчитывать на помощь ему не приходится. Вопрос, касающийся исключительно его самого. Поддержка общества предполагает отказ от уникальности, тогда остаются испытания и боль, которые не с кем разделить. Ницше не обещает счастья, успеха, наград преодолевшему искушение отказа от собственного пути, единственное воздаяние – его цельность. Схождение помыслов и действий, фантазий и осуществимости, самоуважения и позиционирования. Бесчестный компромисс соблазняет, уводит в сторону, заманивает в общепринятое. Сверхчеловек выше этого. Он преодолел в себе человеческое, прошел границу разлома старого и нового. Остался один не в силу вынужденности, а потому что осознал ненужность других. Оценка Ницше современного человека более чем критична: «раболепствующий», «завистливый», «изолгавшийся», «себялюбивый», «надутый», «мстительный», «подозрительный», «коварный», «низкий», «лихорадочный» и т.д. При таком отношении разумен вопрос о необходимости социальных контактов. Одиночество воспринимается как идеальное состояние самосохранения.

Непонимание – во многом причина конфликтов между людьми. Оно возникает как следствие пересечения двух ценностных систем: личностной и общественной. Общего знаменателя у Ницше не существует. Стороны говорят на разных языках. Они не способны к взаимопроникновению, обмену впечатлениями, эмоциями, настроениями в силу различия установок к миру. «Не быть услышанными» – состояние, погружающее в вакуум. Индивид постигает только собственную логику, она представляется ясной и четкой, ориентированной на покорность мира. Сверхчеловек не желает делить истину ни с кем. Иррационализм опирается на личностные переживания, конкретность ситуации доверяет не абстрактным схемам, а чувствам. Катастрофу отдельного человека невозможно перевести в плоскость закономерностей, превратить в факт общественной жизни. Непонимание трансформирует жизнь в параллельность существования. Внешние обстоятельства не играют роли (профессиональная деятельность, знакомства, вынужденное общение), а внутренняя коммуникация не получает развития. «Что делает отрекающийся? Он стремится к более высокому миру, он хочет улететь дальше и выше, чем все положительные люди – он отбрасывает прочь многое, что отягчило бы его полет, и, между прочим, многое, что ему дорого и мило: он жертвует этим своему устремлению ввысь» (3, 535). Истина – единственная цель. Ницше не интерпретирует ее, как научную данность, а как великую тайну, открывшую личность и сделавшую ее одинокой. Прежний характер общения теперь невозможен.

Ницше возвращает своего читателя к греческой философии. Простота и естественность античности восхищает его. В ней он ищет примеры для подражания, источник энергии, стимулы развития. Отрешенность близка категории «безмятежности», встречаемой в творчестве Сократа, Эпикура, Сенеки. Она направлена к поиску гармонии с самим собой, извлечению из природы того, что может способствовать приращению мудрости, блага для собственного «я». Самопознание Сократа (фигуры, вызывающей неподдельный интерес Фр. Ницше), предполагает диалог в большей степени с собой, чем с другими. Человек должен научиться извлекать сущность из глубин души, настроить внутренний слух и зрение на изменения, происходящие в сознании. Это центральная задача мыслящего существа. Те же мотивы прослеживаются в обращении к индийской философии с абсолютизацией индивидуального начала: поиск истины – цель, ради которой оставляются дом, семья, профессия, друзья. Странник одинок, его нигде не ждут и никто не рад его появлению. Он сам выбрал путь в никуда и лишил его конечной цели. Но радость обретения истины, покоя, гармонии компенсирует страдания. «Горы, лес, одиночество» дарует тот свет, который недоступен большинству. «Ницше говорил, что когда он бывает на людях, он думает как все, и потому, главным образом, искал уединения, что только наедине с собой чувствовал свою мысль свободной. Этим и страшна обыденность: она гипнотизирует миллионами своих глаз и властью покоряет свободного мыслителя» (7, с. 303).

Религия объединяет всех: богатых, бедных, знатных – простоллюдинов, образованных, невежественных. Под эгидой Бога люди чувствуют себя едиными. Общие принципы, ценности, эталоны поведения диктуются Верой. Христианство осуждает гордыню как страшный грех и не позволяет абсолютизировать эгоистические желания за счет других. Современная Германия, по мнению Ницше, утратила содержательное начало религии, подменив формализованной традиционностью. Навязываемые положения по своему характеру искусственны, обращены к разуму, социальной дисциплине, косности ума. В них не содержится «жизненного порыва», актуальности бытия. Религиозная общность фальшива, так как основными средствами утверждения являются страх, лицемерие, общественное давление. Утрата общности Богом не стала моментом для пересмотра себя, образа жизни, ценностей. Вера и мораль оперируют пустыми понятиями, подменяя друг друга. «Любовь к ближнему» – скрепляющий пункт, точка омега». Именно она становится препятствием к самому себе. Ницше уверен, что опирается эта любовь на непривлекательные качества: человек тяжел, скучен, бесцветен. Предъявляя интерес и внимание к другому, он бежит от себя, надеясь с его помощью разнообразить собственную жизнь. Одиночество пугает вымышленными страхами, искаженным воспитанием. Борьба с христианством – столкновение с большинством, живущим в ущерб отдельному человеку. «Свободный ум» ни в ком не нуждается, ему не нужны сострадание, милосердие, участие. Столкновение рождает волю, ее реализация и есть Высшее. «У Ницше нет Бога, нет отца, нет веры, нет друзей, он намеренно лишил себя всякой поддержки» (6, с. 162). Одиночество – критерий личности, ее избранности, спо-

собности к высшему. Радость и поражение сверхчеловек делит с самим собой. Он не боится ни Бога, ни людей, он предпочитает себя всему миру.

Прогресс даровал Европе досуг, обращенный большинством обывателей в скуку. Ограничение физических усилий, материальное благополучие и комфорт нивелируют соперничество и состязательность. Условия саморазвития и самосовершенствования оказались невостребованными по назначению. Растерянность широких масс – показатель гибельности цивилизации. Индивид пытается найти себе применение, заняв освободившееся время, но, как правило, безрезультатно. Он нуждается в развлекателях, утешителях, собеседниках. Остаться наедине с собой подобно наказанию. Индивид лишается не только коммуникации, а обречается распознавать самого себя. В массе можно скрыться, использовать другого, соответствовать общественным настроениям. Скука – неприкаянность, безделье, уныние. Человеку нечего сказать самому себе, обнаружить интересное вне социальной действительности. Он боится одиночества и боится других. Пустота внутреннего мира оказывается сильнее. Следовательно, одиночество – путь немногих и духовно сильных.

Общность взглядов Ф.М. Достоевского и Фр. Ницше, знакомого с его творчеством, отметил Л. Шестов в своем произведении «Достоевский и Ницше. Философия трагедии». Подпольный человек становится главным героем, но с тем отличием, что русский писатель акцентирует внимание на непризнанности, озлобленности, беспокойстве, внутренней неуютности, а Фр. Ницше подчеркивает его радость, веселость, свободу, непринужденность. Сознательная изоляция от общества позволяет сохранить свободу как единственную ценность. При всей оскорбительности социального мира, грубости, невнимании, свобода оставляет «подпольному человеку» надежду на значимость, по крайней мере, в собственных глазах. Это точка опоры, без которой невозможно оправдаться за бесцельное существование. Она скрыта от окружающих, нет возможностей заявить о ней в полный голос, и в этом нет никакой нужды, но факт ее обретения и сохранения поддерживает «я» во всех испытаниях. Непохожесть на других превращается в самоценность, не подкрепленную в социальном и материальном плане. Она алогична, именно это обстоятельство делает ее столь привлекательной. Одиночество – это ниша, которая заполняется самим собой и каждый может считать ее содержание великим. Конфликт с действительностью неизбежен, но для Ницше он не выступает опровержением выбранного пути, а, скорее, подтверждением: общество не готово принять человека таким, какой он есть. «Я» не желает изменяться в угоду требованиям социальности. Выбирая одиночество, человек выбирает самого себя, руководствуясь широким диапазоном аргументов – от выполнения великой миссии до окончательной утраты самооценки.

Идея одиночества выступает у Ницше и как художественный прием. Окружающие не могут понять принципов, предложенных Заратустрой. Он ушел от них в своем развитии на много шагов вперед. Диалогичность заменяется монологом, личными рассуждениями. Чтобы подчеркнуть свое презрение к человечеству, в качестве слушателей он выбирает животных, способных понять его мысли скорее, чем люди. Одиночество – наивысшая ступень в условиях цивилизации упадка. В нем может концентрироваться великий дух. Одинокий – глашатай истины, равных ему нет. Все социальные институты больны вирусом вырождения, так как служат презренным целям. Это не война, не борьба, Ницше превозносит одиночество как состояние, которое оберегает от влияния повседневного. Уединение – условие новаторства, рождения нового духа, переходная ступень как для человека, так и для истории. Этап социальной коммуникации миновал как не оправдавший надежд, новой формы контактов пока не существует, следовательно, одиночество – самое адекватное состояние и необходимое для самосознания и понимания социального. У Ницше это понятие вариативно: одиночество одновременно – поражение и победа, созерцание и тайна, вынужденность и путь к высшему.

Источники и литература

1. Боттон Анри де. Утешение философией / Анри де Боттон; [пер. с английского А. Александровой]. – Москва: ООО издательский дом София, 2004. – 336 с.
2. Галеви Д. Жизнь Фр. Ницше / Даниэль Галеви; [пер. с французского А.Н. Ильинского]. – Рига: изд-во Сиридигис, 1991. – 270 с.
3. Ницше Фр. Сочинения / Фридрих. Ницше; [пер. с немецкого Я. Бермана, Г.А. Рачинского, К.А. Свасьяна, С.Л. Франка]. – М.: изд-во Мысль, 1990. – Т.1: Сочинения – 1990. – 832 с.
4. Ницше Фр. Сочинения / Фридрих Ницше; [пер. с немецкого Я. Бермана, Г.А. Рачинского, К.А. Свасьяна, С.Л. Франка]. – М.: изд-во Мысль, 1990. – Т.2: Сочинения – 1990. – 829 с.
5. Холингдейл Р.Дж. Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души / Р. Дж. Холингдейл; [пер. с английского А.В. Милосердовой]. – М.: изд-во Центрполиграф, 2004. – 383 с.
6. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше / Лев Шестов. – М.: изд-во Ренессанс, 1993. – 512 с. – (Избранные сочинения).
7. Шестов Л. Достоевский и Ницше. Философия трагедии / Лев Шестов. – М.: изд-во АСТ-Фолио, 2001. – 480 с.
8. Ялом И. Когда Ницше плакал / Ирвин Ялом; [пер. с английского М. Будыниной]. – М.: изд-во Эксмо, 2007. – 496 с.